

ными чертами и представляет собою законченный художественный образ. С особой полнотой дана художественная биография главного героя повести — Саввы Грудцына. Повествование в целом характеризуется богатой разработкой деталей, обилием побочных сцен (напр., сцена на рынке в Павлове Перевозе), неторопливостью рассказа.

Архетип обнаруживает некоторые замечательные композиционные особенности повести, которые в нарушенном изложении ее отдельных списков трудно было уловить. Так, особо следует отметить, что вся повесть состоит из отдельных эпизодов, тематически и стилистически весьма заметно членищих повествование на отдельные законченные части. Но, несмотря на свою полную завершенность, все эпизоды повести тесно связаны между собою единством авторского замысла. Каждый из них раскрывает то определеннный этап в самом движении событий, то те или иные черты характера главного героя, то особенности его поведения в различные периоды его жизни, полной авантур. Последующие „писатели“ уже не понимали этой особенности композиции повести, но, смутно чувствуя ее, делили все повествование — сбивчиво и каждый по-своему — на ряд глав.

Особенно же много материала для наблюдений дает язык архетипа, очищенный от пэзднейлих искажений. В нем много слов и выражений, обычных для переходной эпохи: „Фома же... скоро сед, написав епистолию к Савве со многим молением...“; „Тимофей Воронцов... новобранных салдат по вся дни воинскому артикулу учаше“; „и вручает ему три роты новобранных салдат“; „...дабы в команде твоей роптания и жалобы на тебя не было“; „на приступных местах всякия гранаты поставляют“ и др. В то же время в языке архетипа можно отметить намеренный подбор архаизмов. Особенно же намзренная архаичность речи очевидна в тех случаях, когда повествование сосредоточивается на старом укладе русской жизни. Здесь мы находим ряд выражений, характерных для литературного языка Макарьевской и еще более ранней эпохи: „И тако той Савва... от зависти диавола запят бысть, падеся в сеть любодейния“ (В. Ч.-М.: „Ненавидяй же добра диавол единою запят ему и врину и в ров любодейния“); „Савва же таковое писание прием и прочет и ни во что же вменив“, „гоотинник же и жена его... ни во что же дело сие вмениша“ (Киево-Печ. Пат.: „Славу и богатство ни во что же вменив“; „он же сна вся ни во что же вменив“; В. Ч.-М.: „И ни во что же вменив запрещение старца“); „мнимый же брат, паче же рещи бес, вскро изьем из опчага чернила и хартию, дает юноши“ (В. Ч.-М.: „и изьем злато из очпага, ношеное им на торг...“) и т. п. Для архетипа характерна иллюстрируемая этими примерами тенденция использования речевых систем разных эпох в художественных целях.

Исходя из текста, представленного архетипом „Повести о Савве Грудцыне“, легко уловить различие между ее двумя редакциями. В обеих редакциях повесть имеет одинаковый состав. Отсутствие в ряде списков вводного эпизода — краткого описания „Смуты“ — нехарактерно для литературной истории повести. В тех случаях, когда речь идет о старших текстах, оно может быть объяснено механическими пропусками, для чего есть основание в самом тексте („Бысть убо... Бысть некто...“). В других же случаях, в списках X Ш и XIX вв., оно характеризует художественные вкусы отдельных переписчиков, которые сокращали историческое введение и заключительный агиографический эпизод повести, ища в ней любовно-авантурную фабулу. Основное различие между редакциями повести — в манере художественного повествования. Отмеченные выше особенности архетипа (а следо-